

УДК 811.161.1.(082)

Костина Е.А.

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

**ЭПОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ЭВФЕМИСТИЧЕСКОЙ ЗАШИФРОВКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭВФЕМИЗМОВ-СОМАТИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

E. Kostina

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

**EPONYMY AS A MEANS OF EUPHEMISTIC CODE
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN EUPHEMISMS-SOMATISMS)**

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу особенностей функционирования эпонимии как способа эвфемистической зашифровки. Языковым материалом исследования послужили эвфемизмы-соматизмы русского языка. Отонимные имена с вторично развившимися созначениями являются продуктивным способом образования заменяющих наименований. Выполняя эвфемистическую функцию, коннотативные онимы полноценно функционируют в разговорной, публицистической и художественной речи XX и начала XXI вв.

Ключевые слова. Ономастика, эвфемизмы-соматизмы, способ языковой зашифровки, эпонимия, коннотативные онимы.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the features of functioning of eponymy as a way of euphemistic code. The linguistic material used in the research is the euphemisms-somatism of the Russian language. Otonymic names with the second-developed connotations is a productive means of a language code. Performing euphemistic function, connotative onyms fully function in informal, journalistic and artistic speech of the 20th and early 21st centuries.

Key words. Onomastics, euphemism-somatisms, a way of language code, eponymy, connotative onyms.

Ономастическая лексика была и остаётся постоянным объектом пристального внимания исследователей. И в то же время традиционным для работ по ономастике стало указание на нерешённость большого числа проблем собственных имён.

Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности функционирования эпонимии как средства эвфемистической зашифровки на материале эвфемизмов-соматизмов русского языка. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: кратко изложить теорию коннотативных онимов в русистике; проанализировать особенности употребления эпонимии как способа образования эвфемизмов-соматизмов различных тематических групп.

Учёные заметили, что имена собственные совершают в своём развитии замкнутый круг превращений. От имени нарицательного они движутся к имени собственному, а от имени собственного – к имени нарицательному. Круг этот, однако, не оказывается «порочным», ибо его завершение никогда не смыкается с его началом [5, с. 6]. При этом имя собственное в начале своего бытования лишено оценок и коннотаций. Оно в процессе функционирования обрывает новыми смыслами, приобретает оценочность, коннотативность.

Личное имя вызывает у носителей языка широкий круг ассоциаций, в основе которых лежат, с одной стороны, представления, составляющие основу общего культурного простран-

ства, а с другой стороны – результаты индивидуального, субъективного опыта носителя языка, и потому так разнообразна в семантическом отношении антропонимическая лексика. Личное имя человека правомерно рассматривать как лингво-социальный знак, как свернутый национально-культурный текст, играющий важную роль в рамках национальной культурной традиции.

Процесс перехода имени собственного в нарицательное в лингвистике называется апеллятивацией. Б.М. Ляпунов, одним из первых обратившийся к изучению процесса апеллятивизации, справедливо отмечал, что наиболее объективным фактором этого процесса является «историческая знаменательность» референта имени собственного [4, с. 256]. Экстралингвистическая природа этого фактора определяет лингвокультурологическую специфику процесса апеллятивизации: в семантике слова, образованного этим способом, важную позицию занимает культурный компонент значения.

А.В. Суперанская выделяет два вида перехода онимов в апеллятивы – полный (*ампер, бойкот*) и ситуативный (*Он современный Шекспир*). При полном переходе «онимическое существительное полностью отрывается от породившего его собственного и становится его омонимом», тогда как при ситуативном переходе оним, обрастая коннотациями, тем не менее остаётся самим собой [12, с. 115]. Таким образом, два вида апеллятивации представляют собой качественно разные процессы, протекающие по разным моделям и обладающие разными функциональными и системными характеристиками.

Переход собственных имён в нарицательные иллюстрирует явление вторичной номинации, при которой «устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми элементами внеязыкового ряда, отображенными в уже существующем значении имени, и свойствами нового обозначаемого, называемого путём переосмысления этого значения» [13, с. 337].

Иными словами, вторичная номинация опирается на метафорические и метонимические переносы значения. А при ближайшем рассмотрении можно установить, что и апеллятивация, как частный случай вторичной номинации, протекает по моделям метафоры (ситуативный переход) и метонимии (полный переход), чем и обусловлены различия в характеристиках этих процессов.

Е.С. Отин считает, что результатом метонимической апеллятивации является образование имени нарицательного, омонимичного по отношению к исходному ониму. Это имя нарицательное остаётся стилистически нейтральным (ср., например, многочисленные названия физических единиц по именам их открывателей – *ампер, вольт, ом* и др.). Метафорическая апеллятивация, напротив, представляет собой стилистически маркированную номинацию, для которой характерен переход идентифицирующего имени в предикатное. Именно в условиях такого перехода в языке рождается образная метафора, служащая развитию синонимических средств языка (ср. *ревнивец – отелло, волокита – донжуан, казанова, ловелас, селадон*). В результате метафорической апеллятивации образуется особое имя, занимающее срединное положение между собственными и нарицательными. Это имя продолжает соотноситься с уникальным референтом онима, но в то же время обозначает не единственный в своем роде объект, а целый класс подобных объектов. Такие имена принято называть прецедентными, однако существует и другой термин, более точно отражающий семантическую специфику этих имен, – коннотативные онимы [10, с. 11].

Любая метафора рано или поздно стирается и перестаёт восприниматься как таковая. Для коннотативного онима (прецедентного имени) исчезновение метафоры означает полный переход в нарицательное. Так, Д.Б. Гудков настаивает на разграничении прецедентных имён и имён нарицательных, являющихся собственными по происхождению, относя к последним, в частности, слово *ловелас* [1, с. 119].

Производство неологизмов на основе имён собственных путём метонимического или метафорического переосмысления называется эпонимией. Учёные замечают, что эпонимия используется как фигура экспрессивной деривации [7, с. 908].

Анализ русских эвфемизмов-соматизмов показал, что в целом они являются отражением языковых процессов, происходящих в современной русской речи. В частности, как отмечают учёные, русский язык подвергается мощной экспансии заимствований, особенно англицизмов и американизмов [5, с. 8]. В эвфемизмы-соматизмы тоже проникли заимствования. Например, *Биг Бен* – в. мужской половой орган. [9, с. 46]. Данный эвфемизм образован на основе метафорического переноса по сравнению мужских гениталий с башней Биг Бен Вестминстерского дворца в Лондоне.

Эвфемизмы-соматизмы русского языка представлены самыми разнообразными разрядами собственных имён: топонимами (собственные имена географических объектов), антропонимами (собственные имена людей), теонимами (собственные имена богов и божеств любого пантеона), хремотонимами (собственные имена предметов материальной культуры), а также ктематонимами (названия исторических событий, праздников, произведений литературы и искусства), эргонимами (название деловых объединений людей, в том числе учреждений, предприятий). Остановимся подробнее на каждой группе.

1. Среди топонимов нами отмечены следующие онимы, входящие в состав эвфемистических наименований:

а. **Урбанонимы** (собственное имя любого внутригородского топографического объекта). Например:

Эйфелева башня – в. мужской половой орган [9, с. 43]. Данное заменяющее наименование образовано путём метафорического переноса, основанного на сравнении по форме.

Отправиться на Елисейские поля – в. умереть [11, с. 121]. В греко-римской мифо-

логии **Елисейские поля** – часть загробного мира, где обитают праведники.

*Он уговорил Фюренгофа, только для вида, сжалиться над своею пленницей, простить её и отпустить с ним, будто для свидания с её сыном, в Гельмет, откуда обещал, через несколько дней, **отправить в Елисейские поля** этого опасного для них обоих свидетеля.* (И.И. Лажечников. Последний Новик (1833) // Национальный корпус русского языка). *Отправить в Елисейские поля* – в. убить.

б. **Гидронимы** (собственное имя любого водного объекта). Например:

Ниагара – в. менструация. Данный эвфемизм является окказиональным, зафиксирован в разговорной речи современной молодёжи. Образовано данное заменяющее наименование на основе метафорического переноса по функции, так как оба явления обладают свойством текучести.

в. **Оронимы** (собственное имя любого рельефа земной поверхности). Например:

Казбек и Эльбрус – в. прямого наименования женской груди. Эвфемистическая метафора образована на основе сравнения по форме: женская грудь по форме напоминает гору.

2. **Антропонимы** также являются частотными онимами, выступающими в функции эвфемизмов-соматизмов. Причём нами выявлены примеры использования как собственно имён в функции эвфемизмов (*кодратий* – в. смерть), так и фамилий и отчеств (*семеновичи* – в. женская грудь; *Цукерман, Ильич* – в. мужской половой орган [9, с. 792, 244]).

Многочисленна группа эвфемизмов-метафор тематической группы «менструация», где используются антропонимы: *тетя Роза пришла, кровавая Мэри, машки, тетя Маша на красной машине приехала, тетя Ася* – в. прямого наименования менструации.

Часто в основу эвфемизмов-соматизмов ложатся антропонимы известных людей, исторических личностей. Например:

Элтон – в. мужской половой орган [9, с. 843].

Позвонить Ленину – в. помочиться [11, с. 327].

Отдельно следует выделить группу антропонимов-фиктонимов, то есть имён, употребляющихся в художественных произведениях; объектов, созданных творчеством художника. Фиктонимы в функции эвфемизмов-соматизмов отмечены в следующих тематических группах: физические недостатки человека (*обувь для великанов и дюймовочек* – в.м. обувь нестандартных, слишком маленьких и больших размеров), «человеческий низ» (*Дровосек, Карлсон* – в.м. мужской половой орган [9, с. 169, 263], физиологические процессы (*приход Красной шапочки* – в.м. менструация), группа эвфемизмов алкогольной темы (*Горыныч* – в.м. запах спиртного, перегар [9, с. 131]).

3. Теонимы продуктивны в образовании эвфемизмов-соматизмов. Слово *Диана* употребляется как эвфемистический коннотативный оним. Например, замены слова *девственница*, зафиксированы у А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Диана – древнегреческая богиня, покровительница охоты, растительности, плодородия. В мифах она – целомудренная богиня-дева.

Лизе страшно полюбить. / Полно, нет ли тут обмана? / Берегитесь – может быть. / Это новая Диана / Притаила нежну страсть – / И стыдливými глазами / Ищет робко между вами, / Кто бы ей помог упасть (А. Пушкин. Лизе страшно полюбить...);

Диана в обществе, Венера в маскараде (М. Лермонтов. Маскарад).

Встречаются и языковые эвфемизмы-соматизмы, которые по происхождению являются теонимами. Например: *Амуры* – в.м. прямого наименования половых отношений. В древнеримской мифологии Амур – это бог любви, изображаемый в виде крылатого мальчика с луком и стрелами [3, с. 79].

Отдельно следует сказать о библеизмах, которые встречаются и среди эвфемизмов-соматизмов. Например, *Магдалина* – в.м. прямого наименования продажной женщины. По библейскому сюжету Магдалина – это блудница, которую не осудил Христос. Тогда

я приехал в воспитательную колонию, где за колючей оградой учились, работали, занимались в самодеятельности и с песней маршировали строем девчонки от четырнадцати до восемнадцати лет: и охотницы до чужого имущества, и хулиганки, и юные магдалины, уже познавшие все разновидности и группового, и корыстного секса (Л. Жуховицкий. Что же делать с этой молодёжью?).

Христова невеста – в.м. девственница. Преимущественно о немолодой целомудренной женщине [11, с. 444].

Ведь я убогая, я... как это у вас говорится? Христова невеста я. Я ни с кем, ни с кем!» (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь // Национальный корпус русского языка).

4. Среди хремотонимов, выступающих в функции эвфемизмов-соматизмов отметим следующие:

Адидасы отбросить – в.м. умереть [9, с. 18]. Выражение образовано на основе перефразирования разговорного выражения *отбросить коньки* в значении умереть. Adidas AG (произносится адидас,) — известный германский промышленный концерн, специализирующийся на выпуске спортивной обуви, одежды и инвентаря. Адидасы = кроссовки: метонимический перенос по модели «компания ← продукт».

5. В составе русских эвфемизмов-соматизмов туалетной темы встречаются также эргонимы. Рассмотрим примеры:

Позвонить во дворец съездов; позвонить в Смольный – в.м. сходить в туалет.

Коннотативный оним эргоним *дворец съездов* является стяжением фразеологизма *Кремлевский Дворец съездов*. Это советизм, то есть лексема, отражающая советские реалии, эпоху социализма в Советском Союзе. Как замечают В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, советские микротопонимы и другие имена-названия в соответствующей речевой обработке полюбились молодежи и продолжают свою сленговую жизнь после их официальной отмены [6, с. 7].

В «Толковом словаре языка Совдепии» фразеологизм *Кремлевский Дворец съездов*

имеет помету «патетическое». Стяженная форма фразеологизма *дворец съездов* встречается в сфере городского просторечия в составе словосочетания *позвонить во дворец съездов* (вм. сходить в туалет). Столкновение патетического с «низким» предметом речи порождает иронию. Советизм подвергается ироническому переосмыслению, совершая путь: собственное имя 1 → коннотативное собственное имя → собственное имя 2 [ср.: 9, с. 18].

В сфере городского просторечия употребляется и другой советизм – коннотативный оним *Смольный*. Удивительно, но этот языковой символ эпохи почти не получает толкования в современных словарях. Только в «Большом Российском энциклопедическом словаре» даётся определение: «Смольный – исторический и архитектурный памятник в Санкт-Петербурге. Классицистическое здание бывшего Смольного института благородных девиц. В 1917 г. в Смольном находился Петроградский совет; 25-27 октября проходил 2-й Всероссийский съезд Советов». Несмотря на отсутствие толкования в ряде словарей, *Смольный* является активным советизмом, его следует считать одним из языковых символов революционной эпохи, ср. устойчивые сочетания разговорной речи: «Не квартира, а Смольный какой-то» (о напряженной работе домашнего телефона, беспрерывных звонках); «Смольный на проводе», «Смольный слушает» (при ироническом освещении важности ответа). В эвфемистическом сочетании *позвонить в Смольный* (в значении «сходить в туалет») эргоним *Смольный* иронически профанируется [2, с. 118].

6. Ко ктематонимам относим следующие примеры эвфемизмов-соматизмов:

Санта-Барбара – вм. прям. наименования неупорядоченных половых отношений. Выражение образовано на основе метафорического переноса по ассоциации с одноименным американским сериалом, персонажи которого меняются половыми партнерами, постоянно интригуют, разводятся, снова сходятся и т. п. //В одной квартире живут

родители, состоящие в разводе, со своими взрослыми детьми и с новыми супругами и детьми от нового брака// - *Как они живут? Не семьей, все поразошились, а теперь у них там Санта-Барбара* [11, с. 383].

Следует отметить, что среди эвфемизмов-соматизмов русского языка встречаются и примеры обратного процесса, когда имена нарицательные переходят в имена собственные. Например, ставший уже хрестоматийным, эвфемизм *Мадам «Сижу»* – вм. прямого обозначения ягодиц.

Я ухватилась рукой за пижамные штаны. И правда, кровь. К тому же Мадам Сижу немилосердно болела (Д. Донцова. Дантисты тоже плачут).

Данный эвфемизм образован на основе метонимического переноса по модели «предмет → свойство».

Таким образом, анализ имён собственных в функции эвфемизмов-соматизмов показал, что отонимные имена с вторично развившимися значениями являются продуктивным способом эвфемистической зашифровки. Заменяющие наименования анатомических и физиологических понятий представлены самыми разнообразными разрядами собственных имён: топонимами, антропонимами, теонимами, хрематонимами, а также ктематонимами и эргонимами. Выполняя эвфемистическую функцию, коннотативные онимы полноценно функционируют в разговорной, публицистической и художественной речи XX и начала XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Владос, 1999. – 103с.
2. Иванян Е.П., Кудлинская Х., Никитина И.Н. Деликатная тема на разных языках: Монография и словарь эвфемизмов деликатной темы / Под общ. ред. Е.П. Иванян. – Самара, 2012. – 332 с.
3. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. – М: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
4. Ляпунов Б.М. О некоторых образованиях имён нарицательного значения из первоначальных имён собственных личных в славянских языках /

- Ред. И. И. Мещанинов. – М.- Л.: АН СССР, 1935. – С. 247-261.
5. Мокиенко В.М. Перевоплощённое имя // Е.С. Отин. Словарь коннотативных собственных имён. — М.: А Темп, 2006. – С. 7–12.
 6. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
 7. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940 с.
 8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
 9. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг: Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов /Т.Г. Никитина. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 912 с.
 10. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
 11. Сенчикова Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
 12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: ЛКИ, 2009. – 370 с.
 13. Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: СЭ, 1990. – С. 336–337.